

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ**

Кемеровский государственный университет
Музей-заповедник «Томская Писаница»
Администрация Кемеровской области
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук
Институт археологии Российской академии наук
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ICOFOM

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ)**

**Кемерово
2016**

УДК 902/904 (51 + 571.1) (063)
ББК Т4 (2 Рос) – 4я 431
А87

*Издание сборника осуществлено в рамках выполнения государственного задания
Министерства образования и науки РФ №33.1175.2014/К,
при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект №16-11-42501), Администрации Кемеровской области, Кемеровского
государственного университета, Музея-заповедника «Томская Писаница»*

Отв. редактор: докт. ист. наук, проф. **В. В. Бобров**

Редактор английского текста: канд. филол. наук, доц. **Т. А. Логунов**

Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / под ред. В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – 360 с. ISBN 978-5-202-01364-5

А87 В сборнике публикуются материалы международной научной конференции «Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)», проведённой 19–21 октября 2016 г. в г. Кемерово. Авторы статей рассматривают актуальные проблемы изучения дописьменной истории Сибири и Центральной Азии, документирования и интерпретации памятников древнего искусства, сохранения и использования объектов археологического наследия. Отдельный тематический раздел «Музей и наука: актуализация историко-культурного и природного наследия Сибири и Центральной Азии в музеях» посвящён 40-летию со дня основания музея «Археология, этнография и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета.

Издание адресовано археологам, этнографам, историкам науки, музеоведам, культурологам и всем, интересующимся вопросами изучения и сохранения археологического наследия.

ISBN 978-5-202-01025-5

ББК Т4 (2 Рос) – 4я 431
А87

*На обложке: петроглифы в горах Оглахты, Хакасия;
оленный камень Хуцуутийн тал, Монголия.
Фото: Е. Миклашевич*

© Авторы статей, 2016

© Кемеровский государственный университет, 2016

ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Статья посвящена достоверительным знакам народов, обитавших в степях Казахстана с конца эпохи бронзы до позднего средневековья. Рассматриваются памятники двух видов – знаки, нанесённые на скалы, и знаки на мемориально-культурных сооружениях. Выделяются знаки нескольких периодов: второй половины II тыс. до н. э., «поздней античности» (последние века до н. э. – первые века н. э.), древнетюркского (конец VI–VII в.), тюркешского (первая половина VIII в.), огузского (середина VIII – XI в.), карлукского и раннекараханидского (вторая половина VIII – начало XI в.), а также послемонгольского (XIV–XV вв.).

Ключевые слова: Казахстан, тамга, петроглифы, эпиграфика, тюрки, огузы, тюркешы, карлуки.

A. E. Rogozhinskiy

Research and restoration laboratory «Ostrov Krym». Almaty, Kazakhstan

SIGNS OF PROPERTY AND POWER OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL NOMADS OF KAZAKH STEPPES

The article is devoted to identification signs of nomadic people who lived in Kazakh steppes from the end of Bronze Age to the Late Medieval period. The monuments of two kinds are examined: signs carved on rocks and signs found on memorial-cult buildings. The signs can be related to the several periods: the second half of II mill. BC.; the 'Late Antiquity' (last centuries BC – first centuries AD); the Ancient Turkic period (end of 6 – 7 cent.), the Turgesh period (the first half of 8 cent.), the Oguz period (mid 8 – 11 cent.), the Karluk and Early Karakhanids period (the second half of 8 – early 11 cent.) and post-Mongolian period (14–15 cent.).

Keywords: Kazakhstan, tamga, petroglyphs, epigraphy, Turks, Oguz, Turgesh, Karluk.

Никогда прежде целенаправленное изучение достоверительных знаков народов, населявших земли Казахстана в древности и средневековье, не имело такого размаха, как теперь – в эпоху общественно-политического обновления, смены идеологических парадигм, актуализации «национальной идеи», активных изысканий в области национальной истории и поиска новых объединяющих ориентиров на почве межэтнической толерантности и национального возрождения. Именно тамги средневековых и древних кочевников, как наиболее массовый, разнообразный и доступный для непосредственного истолкования материал, воспринимаются *a priori* в качестве важнейшего ресурса для постижения этнической истории казахов, объяснения генеалогических связей, происхождения отдельных племён и выяснения их роли в этногенезе других народов Центральной Азии и Восточной Европы. Откликом на вызов нашего времени стал неоднородный информационный поток по тамговой тематике; одни авторы черпают силы в доступных источниках разного достоинства, смело направляя их в русло автохтонизма, другие – в критическом анализе добытых ранее данных, в кропотливом сборе новых полевых материалов, в поиске эффективных приёмов изучения тамгопользования как феномена культуры. Преимущественно в этом направлении автору довелось трудиться в последнее десятилетие в рамках многих научных проектов Казахского НИИ по проблемам культурного наследия номадов (Алматы). Ниже предлагается обзор основных результатов изучения достоверительных знаков на территории Казахской степи от эпохи бронзы до средневековья включительно.

География, типология и хронология. Интенсивный поиск недвижимых памятников тамгопользования, осуществлявшийся в последние годы разными группами исследователей, способствовал формированию солидного корпуса источников, который в географическом измерении охватывает пространство от Алтая до Каспия, включая отдельные районы Сарыарки, долины Чу

и Таласа до их верховий в пределах Кыргызстана. Обилием находок наскальных изображений знаков отличаются районы Чу-Илийского междуречья (Западное Семиречье) и область Талас-Сырдарьинского водораздела (Каратау и отроги Западного Тянь-Шаня). Это объясняется не только наибольшей степенью изученности, но и принадлежностью территорий к маргинальным экологическим зонам с высокой плотностью оседлого, полукочевого и кочевого населения, сложной системой природопользования [Масанов, 2011, с. 46–47], не исключавшей конкурентную борьбу номадов всех эпох за наилучшие условия эксплуатации ресурсов, которая и стимулировала практику тамгопользования.

Удостоверительные знаки, зафиксированные на территории Казахстана и соседних областей региона, представлены на памятниках тамгопользования двух категорий: на портативных предметах и на недвижимых памятниках археологии и архитектуры. В свою очередь, на портативных объектах знаки присутствуют: 1) на монетах древних государств Трансоксианы (Хорезм, Кушанская Бактрия), вассальных владений средневековых тюрков в Средней Азии, городских центров Чуйской и Таласской долин; 2) на предметах культовой и бытовой утвари, воинского снаряжения, на престижных изделиях (дорогая посуда, печати). Знаки на недвижимых объектах составляют самую многочисленную категорию памятников. Они встречаются: 1) на монументальных сооружениях мемориально-культового назначения (стелы, поминальные оградки, балбалы, надгробия, храмовые постройки), а также 2) на открытых скалах: а) в составе обособленных скоплений петроглифов («святотелища»); б) вблизи стационарных стоянок; в) в виде особых собраний тамговых знаков («тамгалытас»). Нередко изображения знаков на скалах сопровождают эпиграфические тексты.

В горностепных ландшафтах страны зафиксировано около 200 местонахождений древних и средневековых тамг-петроглифов, насчитывающих в общей сложности до 500 изображений знаков, в ряде случаев образующих собрания тамг нескольких видов – от двух-трех до 10-12 разновидностей. Крупнейшими среди известных к настоящему времени в Казахстане и Средней Азии являются скопления тамг в храмовом комплексе Байте III на Устюрте (121 знак, около 80 типов [Яценко, 2001, с. 70]) и на «камне Тамгалытас» в урочище Тамгалыжар в западной части Бетпакадалы (более 60 знаков, 19 типов). К этим находкам следует добавить группу местонахождений знаков (одиночных и серий) на памятниках мемориально-культовой и городской архитектуры Южного (Сидак, Культобе, Арпаозен), Юго-Восточного (Когалы, Жайсан) и Центрального (Косбатыр) Казахстана.

В хронологическом отношении ныне уверенно выделяются древние тамгообразные знаки эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) и «позднего античного» периода (последние века до н. э. – первые века н. э.) вместе с сопутствующим им изобразительным комплексом петроглифов. Количество идентифицированных древних знаков-петроглифов пока невелико, но в типологическом плане вся серия репрезентативна (10-12 форм знаков). Численно преобладают тамги-петроглифы средневековой эпохи. Выделяется до 40 основных форм знаков, некоторые из которых имеют несколько производных вариантов. Среди знаков этой группы есть изображения, датируемые концом VI–VII в., тюркешским (первая половина VIII в.), карлукским и раннекараханидским периодами (вторая половина VIII – начало XI в.), а также послемонгольским временем (XIV–XV вв.). На юге и юго-востоке Казахстана выявлена серия огузских знаков середины VIII – XI в.

Методы изучения. В основе современных исследований лежит комплексный подход, предусматривающий изучение недвижимых памятников тамгопользования как значимых элементов археологических ландшафтов, в которых знаки-тамги присутствуют в палеокультурном пространстве наряду с другими объектами: петроглифами, надписями, стоянками, могильниками, мемориальными сооружениями, остатками традиционных коммуникаций и др. Этим определяются приёмы документирования и систематизации знаков, нацеленные на выявление их археологического контекста – сопряжённого изобразительного комплекса и эпиграфики, а также других видов памятников и отдельных находок. При наличии нескольких знаков в скоплении очередность их создания устанавливается выработанными в петроглифоведении методами: наблюдениями над техникой, состоянием патины, анализом стратиграфии и планиграфии как самих знаков, так и сопутствующих гравюр.

Важным этапом исследования является определение групп устойчиво сочетающихся форм знаков в составе отдельных местонахождений. Корреляция результатов группирования знаков и сопряжённого изобразительного комплекса (и/или эпиграфики) даёт возможность обнаружить синхронные серии знаков и выяснить их релятивные позиции. Датировка тамговых серий устанавливается, исходя из информативности изобразительного комплекса (и эпиграфики), археологического контекста в целом, а также по данным нумизматики и письменных памятников («Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари; «Танхуйао», критику публикации источника см.: Рогожинский, 2012, с. 101–102, табл. 3), включая монументы с эпиграфикой, которые содержат важные сведения для идентификации знаков (напр., Бомбогор в Монголии).

Одним из главных методов исследования выступает региональное картирование знаков, которое рисует картину территориального распространения разных типов тамг, ареалов устойчиво сочетающихся серий знаков, позволяет определить динамику и вероятные направления перемещения групп тамгопредъявителей и т. д. Всё это служит целям идентификации достоверительных знаков и интерпретации источников.

Древнейшие тамгообразные знаки. К таковым в настоящее время можно отнести довольно представительную серию знаков двух форм: в виде Y («бакан») и прямого равностороннего креста. Оба знака связаны с предметными находками в закрытых комплексах эпохи бронзы в Прииртышье, Притоболье и Сарыарке, а также воспроизведены порознь и вместе на открытых скалах в составе нескольких местонахождений петроглифов – в Каратау (Сауыскандык, Арпаозен) и Чу-Илийских горах (Кулжабасы).

Знак-«бакан» присутствует на двух сосудах из мавзолея-ограды 11 мог. Дандыбай и как орнаментальный мотив в декоре сосуда из ограды 24 могильника Измайловка, а также на бронзовом орудии типа кельта с открытой втулкой (рис. 1: 5–8), найденном в долине р. Кучук в Алтайском крае [Тишкин, Мерц, Фролов, 2016, рис. 6]. Сходный способ нанесения знака на поверхность ножки кубка из Дандыбая и на стенки сосуда из Измайловки – орнаментиром, использовавшимся для украшения тех же изделий, – даёт основание связывать саму форму знака с носителями данной производственной традиции (бегазинской). Вряд ли можно рассматривать знаки в качестве личного клейма мастера, равно обладавшего искусством бронзолитейщика и гончара, или владельца перечисленных вещей (ритуальной посуды и ценного металлического изделия), оказавшихся столь удалёнными друг от друга по месту находки. Устойчивое воспроизведение непростой формы знака исключает также случайное совпадение рисунков на разных портативных предметах.

Знак в форме креста зафиксирован в двух памятниках андроновского круга Северного и Центрального Казахстана: на каменной плитке, найденной во рву кургана 2 на мог. Новоильновский (раскопки Э. Р. Усмановой), и на двух плитах ограды кургана в мог. Бесоба (рис. 1: 1; раскопки И. А. Кукушкина [Бедельбаева, Новоженев, Новоженева, 2015, с. 88, рис. 106]). В последнем случае один из знаков представляет восьмилучевую фигуру (удвоение креста). Крестовидные знаки-петроглифы отмечены на скалах в долине Байконур на юго-западе Сарыарки [Новоженев, 2002, с. 20, табл. 20] и в ущелье Сауыскандык на севере Каратау – среди изображений с характерными чертами сейминско-турбинской художественной традиции. На западе Семиречья в Кулжабасы знак креста входит в композицию петроглифов эпохи бронзы вместе с изображением зеркала с боковой рукоятью. Однако чаще знаки-символы изображены изолированно или в сочетании с другими геометрическими фигурами. Важно отметить, что в Арпаозен дважды и в Сауыскандык многократно изображения креста нанесены на скалы, вблизи которых обнаружены поселения эпохи бронзы (в двух пунктах в верховье Сауыскандыка автором собрана керамика, а на поселении Арпаозен IV проводились раскопки; см. Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, с. 89, 90). Наконец, в петроглифах Каратау обнаружены и знаки типа «бакан»: в Арпаозене – один знак в сочетании с колесницей и зооморфными фигурами поздней бронзы; в Сауыскандыке – три гравюры на одной плоскости рядом со знаком-крестом (рис. 1: 3, 4). Судя по расположению фигур на поверхности, здесь можно предполагать последовательное создание знаков – сначала крест, затем знаки типа «бакан».

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют с уверенностью говорить о появлении в эпоху бронзы особых знаков идентичности, устойчиво сохранявших свою форму в разных

вещественных воплощениях (на предметах, погребальных сооружениях, гравюрах на скалах) на обширной территории в ареалах определённых историко-культурных образований. Представленные новые находки допускают предположение о связи знака-креста с андроновским (федоровско-алакульским) культурным массивом Центрального и Южного Казахстана. Для идентификации знака-«бакана» наиболее значимыми остаются помеченные такой тамгой предметные находки из памятников бегазинского круга (Дандыбай, Измайловка). Неоднократно зафиксированные на удалённых территориях факты создания на скалах единообразных знаков обоих видов вблизи древних поселений или в составе «святилищ» с разными сериями петроглифов эпохи бронзы также убеждают в правомерности их выделения как маркёров не групповой (клановой), а этнокультурной идентичности.

Знаки «позднего античного» периода. В своё время Б. И. Вайнберг, анализируя известия письменных источников и монетные материалы древнего Хорезма, пришла к важным выводам: 1. «о происхождении хорезмийской династии, чеканившей монету, из одного из кочевых племён, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии. Судя по тамгам, это племя или племена, объединяемые названием “юечжи дома Чжаову”, были “сарматского” в самом широком смысле этого слова происхождения»; 2. «в Среднюю Азию оно могло попасть из более восточных районов», при этом «археологические и исторические данные... указывают на Юго-Западную Монголию как на один из районов первоначального (до II в. до н. э.) обитания племён «сарматского круга»,... принимавших участие в передвижении кочевых племен в Среднюю Азию во II в. до н. э.» [Вайнберг, 1977, с. 76, 77]. Сегодня эти рассуждения находят зримое подтверждение в новых открытиях геральдических знаков на территории Казахстана.

В 2014 г. в западной части Семиречья, в Чу-Илийских горах, автором открыта своеобразная галерея наскальных рисунков, среди которых обнаружена небольшая, но весьма выразительная серия знаков (тамги №№ 1–3). По компетентному мнению С. А. Яценко, ознакомившегося с памятником *de visu*, для определения принадлежности тамги № 3 (**рис. 1: 10**) «в Евразии этого времени нам известен только один идентичный знак – на монетах ранней Кушанской империи, связанный с аристократией юечжи» [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015, p. 115]. Тождественный комбинированной тамге № 1 (**рис. 1: 9**) знак обнаружен на скале в каньоне Каракабак на Мангыстау, а её центральный S-овидный элемент дважды встречен среди петроглифов в горах Жельтау к северу от Балхаша (**рис. 1: 18**). Он имеет также сходство с тамгой на монетах Хорезма начала нашей эры и со знаком «аристократического клана аланов Нижнего Дона, обладатели которого были в числе наиболее политически активных в Сарматии» во II в. н.э. [*ibid.*, p. 113–114, fig. 5]. Наконец, «распространение знака № 2 (**рис. 1: 11**) в иранском кочевом мире наглядно отражает миграции ряда этнических групп на запад»: не позднее начала I в. до н. э. этот знак чеканился на монетах Хорезма; в ранне- и среднесарматское время он присутствует среди других тамг на стенах храма Байте III на Устюрте; в I–II вв. н. э. такая тамга появляется на скульптуре льва № 2 из Ольвии, и «во всех случаях, где такие знаки в Казахстане или в Украине размещены в группе, они занимают самое почётное место в центре композиции» [*ibid.*, p. 114]. Таким образом, вся серия найденных знаков обнаруживает тождество или сходство главных элементов с тамгами на монетах кушанского и хорезмийского чекана, со знаками «сарматского круга», зарегистрированными для периода поздней античности далеко к западу – от Прикаспия до Причерноморья.

Вместе с тамгами №№ 1–3 выявлена серия уникальных петроглифов (около 150 гравюр), представляющая позднесакский изобразительный комплекс; его ядро образует ряд высокохудожественных гравюр (изображения тигра, волков, фантастических зооморфных персонажей и др.), тождественных образцам прикладного искусства из пазырыкских памятников Ак-Алаха 1, 3, Пазырык 4, 5, Ташанта I, возраст которых не позднее середины III в. до н. э. [Слюсаренко, 2011]. Кроме того, в составе серии выделена немногочисленная группа рисунков, стилистические аналогии которым обнаружены в предметах искусства из Тувы (Саглы-Бажи VI, Суглуг-Хем II) начала «эпохи сюннской экспансии в Центральной Азии» [Семёнов, 2003, с. 76, 77], а также из северных и северо-западных областей Китая (Ордос и Ганьсу); эти петроглифы определяют верхнюю дату комплекса. В целом, в репертуаре и стиле гравюр, найденных в Семиречье, доминируют удалённые региональные связи, в то время как «местные» семиреченские изобразитель-

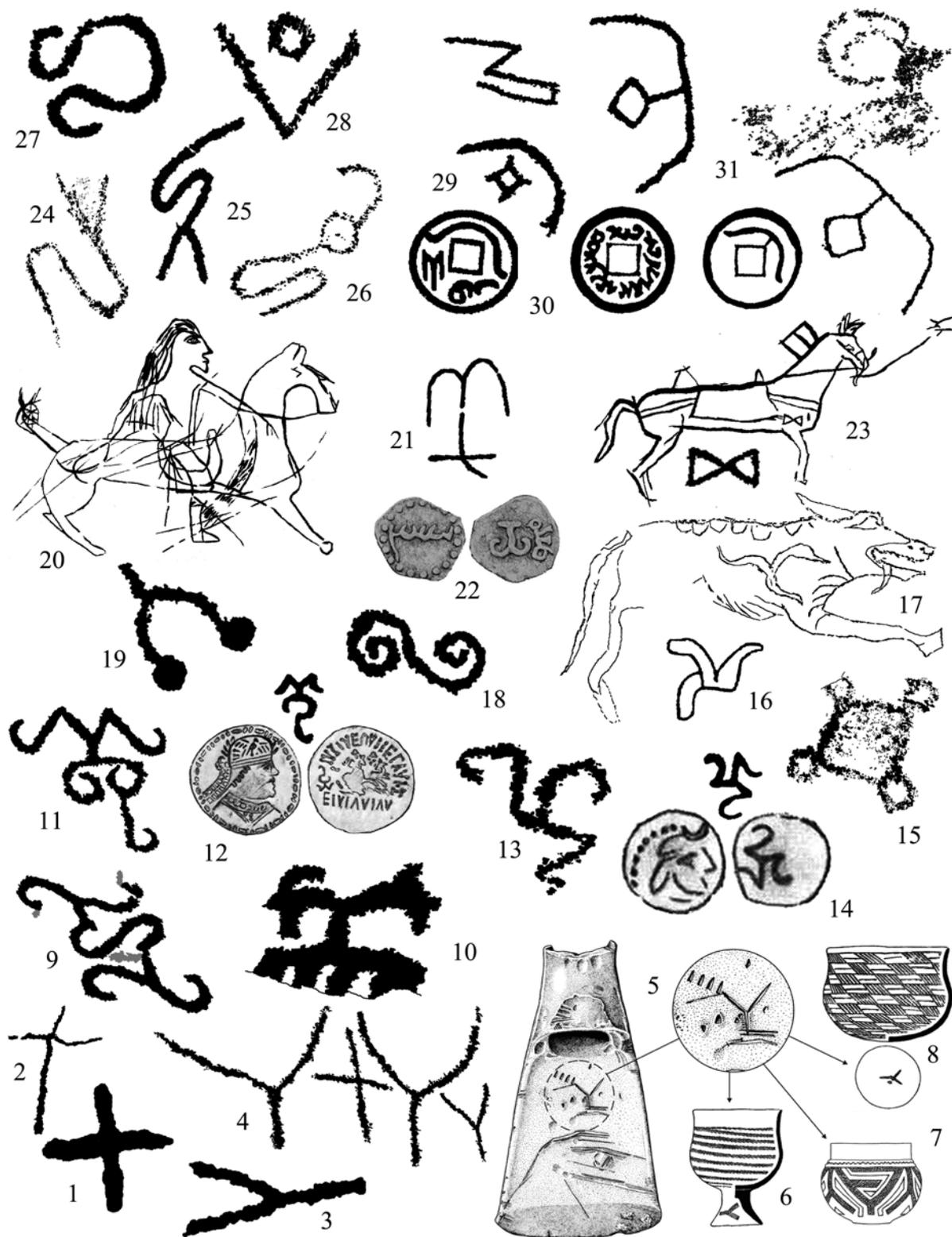

Рис. 1. Знаки-петроглифы Казахстана и аналогии.

1 – мог. Кособа (по: [Новоженков, 2015]); 2, 3 – Арпаозен; 4 – Сауыскандык; 5 – долина р. Кучук (Алтайский край), 6, 8 – мог. Дандыбай, 7 – мог. Измайловка (по: [Тишкин, Мерц, Фролов, 2016]); 9–11, 19 – Чу-Илийские горы; 12, 14 – знаки на монетах Хорезма (по: [Вайнберг, 1977]); 13, 18 – Северное Прибалхашье; 15 – Тарбагатай; 16 – мог. Орлат; 17, 23 – Ешкюлмес; 20, 21 – Коголы; 22 – знак на монете Чача (по: [Кузнецов, Шагалов, 2006]); 24, 25, 28 – Кулжабасы; 26 – Тамгалы; 27 – Актерек; 29, 31 – Котыр; 30 – знаки на монетах Семиречья (по: [Камышев, 2002]).

ные материалы дают единичные примеры сходства. Вся серия выступает как чужеродная, инкорпорированная в сложившийся ранее художественный контекст, о чём свидетельствуют и палимпсесты с перекрыванием рисунков эпохи бронзы и сакского времени. Очевидно, появление в Чу-Илийском междуречье позднесакского святилища с тамгами №№ 1–3 и своеобразными петроглифами следует связывать с перемещением сюда групп кочевников из ареала пазырыкской и саглынской культур Саяно-Алтая, а также из северо-западных областей Китая.

Самые значительные скопления позднесакских петроглифов зафиксированы к северо-востоку от Семиречья на местонахождениях Цагаан-Сала/Бага-Ойгур и Шивээт-Хайрхан в Монгольском Алтае [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 94–106, № 40–42, 1055–1059 и др.; Кубарев, 2009, № 310, 311, 907–909 и др.]. К западу от Семиречья петроглифы данного комплекса и аналогичные тамги обнаружены в Таласском Алатау (Жалтырактас), Каратау (Сауыскандык, Кемер), в долине Зеравшана (Сармишсай и Биронсай, горы Нурата), на Устюрте и Мангистау. Этими находками отмечен дальнейший путь перемещения обладателей клановых символов и позднесакской изобразительной традиции. Важно отметить, что присутствие в горах Каратау и Нурата, на Устюрте и Мангистау тех же тамг и петроглифов данного комплекса исключает их связь с усунями письменных источников, область расселения которых не доходила до Сырдарьи, Зеравшана и Прикаспия. Вероятно, инициативу создания в Чу-Илийских горах святилища с наскальными шедеврами и тамгами, ставшими позже эмблемами правящих кланов Кушанской Бактрии и Хорезма, нужно связывать с кратковременным пребыванием на этой территории разных групп саков и юечжей, которые под натиском хунну и усуней около 162 г. до н. э. [Боровкова, 2005, с. 48–50] вынуждены были покинуть этот край.

Тамги-петроглифы периода «поздней античности» обнаружены в ряде других пунктов на юго-востоке и востоке Казахстана. Так, сделанные в Чу-Илийских горах открытия позволили пересмотреть датировку известной гравюры бегущего волка из Ешкиольмеса с процарапанным замысловатым знаком (рис. 1: 16, 17), который идентичен тамге на крупе коня одного из всадников на пластине из Орлата [Ильясов, 2005, рис. 1]. Ещё один сопоставимый по форме знак-петроглиф, известный в монетном чекане Хорезма конца III – начала IV в. н. э. [Вайнберг, 1977, с. 35], обнаружен в горах Калмакэмель в Северном Прибалхашье (рис. 1: 13, 14). На северо-западном склоне Тарбагатая в урочище Томар найдена композиция с зооморфными изображениями и знаком-тамгой специфической формы (рис. 1: 15); «идентичные знаки со II–I вв. до н. э. известны на территории западного соседа Усунь – “кочевой империи” Кангюй» и присутствуют в материалах ранней цитадели Туркестана до II–III вв. н. э. [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015, p. 119, fig. 15]. С. А. Яценко указывает также на западные аналогии знаку – на миниатюрных бронзовых зеркалах-подвесках из сарматских/аланских женских погребений в Крыму и Приазовье сер. II – сер. III в. н. э. [*ibid.*].

Итак, известные к настоящему времени знаки-петроглифы «позднеантичного» периода многочисленны, не создают серий однотипных форм на какой-то отдельной территории, их местонахождения удалены друг от друга на значительные расстояния. Преобладают одиночные знаки, включённые в контекст обособленных скоплений наскальных рисунков («святилищ»), в то время как тамги, связанные своим расположением со стоянками той же эпохи, пока не удалось обнаружить. Около половины знаков идентифицированы как эмблемы кушанских и хорезмских правителей или представителей привилегированных кланов кочевников «сарматского круга». Сделанные наблюдения позволяют рассматривать тамги-петроглифы этого времени как знаки власти отдельных аристократических родов, возглавлявших разные группы номадов в ходе их перегруппирования и расселения на новых территориях в переломную эпоху «поздней античности».

Безусловно, возникновение данной категории знаков идентичности следует относить к более раннему историческому времени, о чём напоминает и комбинированная форма некоторых эмблем, состоящих из двух-трёх самостоятельных фигур. Например, тамга № 3 из Чу-Илийского междуречья является законченной формой одного из ранних знаков правителей Хорезма, как принято считать, относившихся к «юечжи дома Чжаову»; основным её элементом, неизменяемым почти при всех известных в хорезмской нумизматике вариациях, является знак в форме М. Учи-

таявая происхождение позднеасакского комплекса петроглифов Семиречья, можно отметить сходство основного элемента тамги № 3 со знаком на золотой гривне «царя» и на обломке рогового псаля из кургана Аржан 2 в Туве [Чугунов, 2011, с. 49, рис. 5, 1в]. Впрочем, как полагает К. В. Чугунов, «что это – знак родовой принадлежности или нечто другое – говорить пока рано» [там же]; временной разрыв в полтысячелетия, отделяющий оба памятника, также заставляет воздержаться от дальнейшего обсуждения вопроса, пока в пределах Тувы, Алтая или Западной Монголии не отыщутся промежуточные формы «хорезмской» тамги из Семиречья.

Тамги средневекового периода. Знаки этой исторической эпохи особенно многочисленны, разнообразны и представлены всеми выделенными типами памятников тамгопользования. Знаки-петроглифы у стоянок – самая представительная группа памятников, обладающая наряду с тамгами на мемориальных объектах наибольшей информативностью при выяснении традиций землепользования, территориального расселения и дальних передвижений средневековых кочевников. Кроме того, есть немало изображений знаков в виде тавра на скаковых животных, входящих в охотничьи или ритуальные сюжеты на скалах «святилищ». Ценность таких гравюр особенно высока, поскольку они помогают установить связь некоторых знаков, как маркеров этнокультурной или этнополитической идентичности, с определёнными сюжетно-стилистическими сериями средневековых петроглифов.

К наиболее ранним гравюрам относятся выполненные в технике резьбы изображения таврѐных лошадей из Ешкиольмеса и Когалы в Семиречье (рис. 1: 20, 23). В первом случае на теле лошади показана тамга в форме смыкающихся вершинами двух треугольников («бантик»). Иконография и стиль гравюр (фигура коленопреклонѐнного спешившегося всадника, колчан и налучье, седло с чепраком, и др.) обнаруживают сходство с рисунками на «кудыргинском валуне». Ареал битреугольной тамги охватывает в основном Алтай, Тарбагатай и всё Семиречье, но отдельные находки известны в предгорьях Каратау. Датированные алтайские аналогии имеет тамга, вырезанная на крупе коня под всадником из Когалы в Чу-Илийских горах. Здесь же обнаружено изящное изображение осѐдланного коня без наездника; круп животного украшает «якоревидная» тамга с подставкой – знак редкий, не встречающийся нигде в качестве метки возле рядовых стойбищ кочевников (рис. 1: 21, 22). Тождество знака с тамгой на монетах чачского чекана, которые содержат титул «каган» и личное имя «Тарду», позволяет принять датировку уникального рисунка из Когалы, отстаиваемую Г. Бабаяровым для монет данного выпуска: кон. VI – нач. VII в. [Бабаяров, 2007, с. 24–26] Похожий знак, но без «подставки», ещё дважды встречается в Чу-Илийском междуречье (Каракыр, Жайсан); его можно сопоставить с «рунообразной тамгой» на монетах Панча первой половины VII в. [Смирнова, 1981, с. 46–47, рис. 29].

Выделяется группа знаков, которые имеют широкий ареал распространения и нередко выступают в сочетании с тамгами других типов и разновидностей; как правило, такие знаки доминируют в собраниях тамг – они более крупных размеров, занимают центр или высокую позицию в поле обзора, тем самым обозначая определённую иерархию знаков разного облика. К тамгам данной категории можно отнести три знака: № 1 – в форме извивающейся змеи (рис. 1: 24–26), № 2, – напоминающий греческую «омегу» (рис. 1: 27), и № 3 – в виде угла с окружностью между лучами (рис. 1: 28). Ареалы этих знаков в значительной части совпадают, хотя единого неразрывного пространства не образуют, возможно, в связи с неравномерной изученностью разных территорий: от Западной Монголии и Российского Алтая до Чу-Илийского междуречья и Восточной Ферганы.

Тамга № 2 насчитывает не менее пяти разновидностей, образованных с помощью добавления к неизменяемой форме знака диакритических элементов – линий или точек. Наибольшая концентрация таких производных знаков и основной тамги наблюдается в Прииссыккулье, Чу-Илийском междуречье и горах Кетмень (отроги Северного Тянь-Шаня), то есть в пределах левобережья Или и правобережья Чу до Иссык-Кульской котловины включительно. Западнее и южнее этой области находки омегообразной тамги единичны: на севере Каратау (Сауыскандык) и в предгорьях Алая (Булолу), где зафиксировано её сочетание с тамгой № 3, но производные знаки здесь не встречаются. На предполагаемой исходной территории расселения обладателей данной тамги – к северо-востоку от Семиречья – омегообразный знак неоднократно зафиксирован на

западе Монголии [Gunerі, 2010, fig. 2: 1] и в Российском Алтае (Сооктыг, долина Чаган; находки Д. В. Черемисина, любезно ознакомившего авторас неопубликованными материалами). Производные формы тамги № 2 и здесь как будто не выявлены, поскольку знак на стеле из Уландрык IV относится В. Д. Кубаревым к скифскому времени [1987, рис. 3, табл. LXVII], хотя в непосредственной близости от пазырыкской группы памятников им исследован к. 5 в мог. Уландрык III (вторая пол. VIII–IX в.), а выше по течению – к. 1 на мог. Уландрык I, для которого получена дата 542–653 гг. [там же, с. 155, 183, табл. I; Кубарев Г. В., 2005, с. 139–140, 366–367]. В любом случае, достоверительный знак на стеле возле кургана из Уландрыка даже условно нельзя относить к «посетительским» меткам [Азбелев, 2010, с. 28, 29]. Нет сведений о находках тамги № 2 в Тарбагатае и Джунгарском Алатау (Жетысу), где часто встречается тамга № 3; возможно, путь обладателей омегообразной тамги от Алтая в западную часть Семиречья проходил с востока через Илийскую долину.

Знак № 3 тоже можно рассматривать как основную тамгу, инвариантной основой которой является V; от неё происходит много производных форм, при сочетании с которыми в известных случаях основная тамга занимает более «почётное» место. Обилие сыновних форм обоих знаков (тамги №№ 2 и 3) и частичное совпадение их ареалов предполагают, по-видимому, существование множества родственных подразделений, входивших в два крупных племенных объединения, занимавших в близкое время (одновременно или последовательно) некоторые общие территории – первоначально Алтай, затем Чу-Илийское междуречье. В отличие от этих примеров, тамга № 1 не имеет производных форм; разнообразие её представления ограничивается поворотом знака на 180° и двумя вариантами изображения «головы» змеевидной фигуры – развилкой или окружностью с «отпятнышем» наподобие «змеиного языка». Возможно, тамгу № 1 следует рассматривать как знак корпоративной идентичности – клановой или сословной. Заманчиво связать её с клановой символикой Ашидэ, но для такого утверждения имеющихся данных недостаточно. Ареал змеевидной тамги в целом совпадает с областью распространения омегообразного знака, с которым часто соседствует в собраниях тамг.

Сочетание всех трёх знаков известно только на памятниках Монгольского Алтая: в петроглифах Цагаан-Салаа IV [Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 235, рис. 379] и на мемориальной стеле комплекса Бомбогор. В замечательном собрании из Бомбогор тамги №№ 1–3 изображены в нижней части стелы и образуют ряд, отделяющий группу однотипных знаков, не известных в Казахстане, от 14-ти тамг иных форм, 12 из которых входят в число наиболее распространённых в Притяньшанье. Содержание рунического текста на стеле, в котором упоминаются басмылы и карлуки [Баттулга, 2005, с. 122–128; User, 2011], позволяет соотнести тамги №№ 1–3 с карлукским племенным объединением. Датированные образцы знака № 3 известны на Алтае: на пряжке ремня из к. 9 мог. Барбургазы (катандинский этап) и на костяных застёжках для конских пут из к. 10 мог. Уландрык I, по инвентарю и радиоуглеродной дате (542–653 гг.) относящегося к кудыргинскому этапу [Кубарев Г. В., 2005, с. 97, 137–140, табл. 3: 12, 13; 33: 15; 83: 11, 12, 13, 17]. Однако в семиреченском ареале датировка знаков №№ 1–3 и производных от них форм вряд ли может оказаться ранее втор. пол. VIII в. Условия нахождения знаков в Чу-Илийском междуречье (обычно возле стоянок, в сочетании со знаками других типов) отражают обострение «земельной тесноты» и усиление межплеменной борьбы кочевников в период расцвета городской культуры в предгорьях Северного Тянь-Шаня в IX–X вв.

Тамги тюргешей идентифицируются по хорошо известным монетным аналогиям (рис. 1: 29–31). Наскальные изображения таких знаков неоднократно встречены в Чу-Илийском междуречье, где им сопутствует ряд выразительных петроглифов, стратиграфия которых позволяет выделить, в свою очередь, серию рисунков и тамг «дотюргешского» возраста, вероятно, связанных с «десятистрельным» объединением западных тюрков [Рогожинский, 2014, с. 541, рис. 2]. Особую ценность представляет местонахождение знаков в долине Котыр (рис. 1: 31), где встречено сочетание тамги тюргешей и тамги одного из племен огузов (букдуз), уверенно идентифицируемой по рисунку из «Диван лугат ат-турк» [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93]. Сходство техники исполнения и других параметров знаков убеждает в их одновременности. Уникальный памятник тамгопользования не только впервые документирует присутствие на западе Семиречья

части огузов около середины VIII в., но и раскрывает, по-видимому, их союзнические отношения с тюркешами в канун массового переселения карлукских племен на земли Он Ок.

Тамги огузов численно преобладают на западе и юге Казахстана. В археологическом комплексе Арпаозен своеобразная тамга племени байундур (по Махмуду ал-Кашгари) дважды выбита на крупной фигуре верблюда эпохи бронзы, а также воспроизведена на обеих сторонах стелы, установленной на старинном казахском некрополе в близлежащем урочище Дарбут (по мнению В. Н. Настича, любезно сообщённому в письме автору, окружающая знак эпитафия выбита на стеле не ранее XIX-го или в первой половине XX в.). В долине Сауыскандык неоднократно встречены тамги племени салгур (салыр), вождем которого принадлежала власть в государстве сырдарьинских огузов в IX – сер. X в. [Агаджанов, 1969, с. 135–137]. Знаки синхронизируются с выразительной группой петроглифов, включающей изображения конных воинов и охотника с птицей. Возле известной композиции с изображениями двух крытых повозок, запряжённых быками, тоже имеется тамга одного из огузских племен.

На западной окраине Бетпакдалы в урочище Тамгалыжар, известном с XIX в. как «камень Тамгалытас», среди множества знаков и надписей позднего происхождения, выявлено крупное собрание более древних тамг. Они образуют несколько групп, расположенных на разных обнажениях песчаника вблизи единственного пресного источника в этом пустынном районе. Всего выделено 19 разновидностей простых и сложных знаков, образующих начальный, «анэпиграфический», этап истории памятника. Сопоставление их с тамгами современных и средневековых кочевников региона обнаружило наибольшую степень сходства (90%) с достоверными знаками средневековых огузов [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93–94] и тюркских народностей Ирана (кашкаев) [Новоженков, 2014]. Значительно меньше совпадений с тамгами туркмен (78%), башкиров (68%) и казахов (63%), доля которых складывается в основном за счёт сходства простейших форм знаков. Учитывая географическое расположение памятника, время возникновения здесь крупнейшей «энциклопедии» огузских тамг следует отнести к IX–X вв. [Агаджанов, 1969, с. 157–162], во всяком случае, до сер. XI в., когда «вместо названия области “Муфазат-атгузз”, т. е. “Степь гузов”, употребляется название “Дашт-и Кыпчак”, т. е. “Степь кипчаков”» [Муканов, 1974, с. 55].

Серия тамгообразных знаков раннекараханидского времени выделяется благодаря исследованиям памятников Таласской долины. Прочтение согдийских надписей из Терексая и Кулансая выполнено В. А. Лившицем, который установил даты создания трёх из них: 906, 1002 и 1026 гг. [Лившиц, 2004, с. 144–147] Тексты содержат перечень тюркских личных имён, мужских и женских, некоторые из которых сопровождаются титулами «тегин» и «хатун»; делается вывод о принадлежности мемориантов к «верхушке карлукской племенной знати». Вместе с надписями на скалах выбиты различающиеся в деталях две тамги в форме развёрнутого вниз гребня («тарак»). В Кулансае рядом с согдийскими текстами сохранились строки рунического письма с ещё одной разновидностью «тарак»-тамги; по мнению В. А. Лившица, дата создания тюркских надписей и тамги не позже IX – перв. пол. X в. [там же, с. 148] На городище Садыр-курган такими же знаками отмечены слитки серебра, тарная посуда и текст X–XI вв., выполненный на камне куфическим письмом [Камышев, 2009, с. 284–289, рис. 1, 2]. Знаки того же типа присутствуют на ряде местонахождений петроглифов Кыргызского и Таласского Алатау [Табалдиев, Белек, 2008, рис. 2, 12–20], на монетах посттюркешского чекана и керамике. Судя по характеру и территориальной локализации этих находок, знак «тарак»-тамги обладал высоким статусом, сопоставимым с государственной символикой одной из ветвей династии Караханидов.

Тамги послемонгольского периода. Выявление на юге Казахстана недвижимых памятников тамгопользования этой исторической эпохи – наиболее сложная задача современных исследований. Предположительно к ним можно отнести знак, выбитый на строительном камне, отмечающем вход погребальной ограды, которая входит в группу аналогичных сооружений на могильнике в ур. Шолакжартастас, к югу от Тамгалы. Такие ограды были исследованы на могильнике Каракудук в 1957 г.; безынвентарные одиночные и коллективные захоронения, совершённые по мусульманскому обряду, А. Г. Максимова датировала XIV–XV вв., связав их со временем утверждения ислама в среде кочевого населения позднего средневековья [Максимова, 1968,

с. 153–158, рис. 2). Тот же знак – окружность с отходящей вниз линией, пересечённой двумя поперечными линиями, – зафиксирован в 20 км к западу (Асык); здесь имеется пять изображений тамги на скале у стоянки. Среди знаков кочевников домонгольской эпохи тамга такой формы не встречается на юге Казахстана, зато в более позднее время очень похожий знак отмечает на юге Каратау, в северных предгорьях Кыргызского хребта и Чу-Илийском междуречье места стоянок казахов Старшего жуза – дулатов и сарыулысынов. Возможно, с дальнейшим накоплением материалов по памятникам тамгопользования кочевников позднего средневековья удастся идентифицировать тамги дулатов и других племен улуса Чагатая, вошедших в состав казахов Старшего жуза.

Список источников и литературы

- Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 296 с.
- Азбелев П. П.* Кудыргинский сюжет. – СПб.: изд-во «ЛЕМА», 2010. – 60 с.
- Бабаяров Г.* Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). – Ташкент: изд-во Нац. библиотеки Узбекистана, 2007. – 120 с.
- Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Т. 1. – Улаанбаатар: National University of Mongolia – Centre for Turkic Studies, 2005. – 237 с.
- Бедельбаева М. В., Новожинов В. А., Новожинова Н. В.* Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганды: Сарыаркинский археологический институт, 2015. – 252 с.
- Боровкова Л. А.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 315 с.
- Вайнберг Б. И.* Монеты Древнего Хорезма. – М.: Наука, 1977. – 220 с.
- Ильясов Дж. Я.* Орлатское тавро // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. – СПб.: ИИМК РАН, 2005. – С. 102–103.
- Камышев А. М.* Новые археологические находки с городища Садыр-Курган // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2009. – № 1 (268). – С. 284–292.
- Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Кубарев В. Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 420 с.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Сала и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 640 с.
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
- Лившиц В. А.* Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). – Бишкек: Илим, 2004. – С. 117–148.
- Максимова А. Г.* Средневековые погребения Семиречья. – Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 146–158.
- Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, дополненное. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.
- Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. – 1288 с.
- Муқанов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 200 с.
- Новожинов В. А.* Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002. – 125 с.
- Новожинов В. А.* Тюркские петроглифы и тамги на развалинах Пасаргад в Иране // Материалы и исследования по археологии и этнографии Казахстана. – Алматы: Изд-во КазНУ, 2014. – Вып. V. – С. 21–36.
- Рогожинский А. Е.* Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник мат-лов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ. – Алматы: «Аруна», 2011. – С. 28–46.
- Рогожинский А. Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 217–225.
- Рогожинский А. Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвящённый 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана: Сарыарка, 2014. – С. 534–547.

- Рогожинский А. Е., Аубекеров Б. Ж., Сала Р.* Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: «Искандер», 2004. – С. 45–92.
- Семёнов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. – СПб: «Петербургское востоковедение», 2003. – 240 с.
- Слюсаренко И. Ю.* Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica». – Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 239–251.
- Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М.: Наука, 1981. – 548 с.
- Табалдиев К. Ш., Белек К.* Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). – Бишкек: Учкун, 2008. – 336 с.
- Тишкин А. А., Мерц И. В., Фролов Я. В.* Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2 (14). – Барнаул: изд-во Алтайского гос. университета, 2016. – С. 123–134.
- Чугунов К. В.* Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб.: «Нестор-История», 2011. – С. 39–60.
- Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Восточная литература, 2001. – 190 с.
- Guneri A. S.* The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (ОТАК)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. – СПб.: «Инфо-ол», 2010. – С. 264–270.
- Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A.* The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE 2nd Century CE // The Silk Road. Editor: Daniel C. Waugh. – Vol.13. – 2015. – P. 109–125.
- User H.* Bömbögör Yaziti: bir Türk Kunçiyunun Mezar Taşı (Inscription of Bombogor, a Tombstone of a Turkish Princess) // Dil Araştırmaları. – Bahar, 2010. – Sayı (Volume) 7. – S. 61–73.